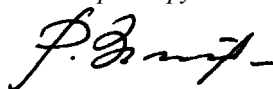

На правах рукописи

ЗАМАЛЕТДИНОВ РАДИФ РИФКАТОВИЧ

**НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА
ТАТАРСКОГО МИРА**

10.02.02 - Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань 2004

Работа выполнена на кафедре общей и сопоставительной
филологии ГОУ ВПО «Казанский государственный
педагогический университет»

**Официальные
оппоненты:**

доктор филологических наук, профессор
Хисамова Фагима Миргалиевна
(г. Казань)

доктор филологических наук, профессор
Зайнуллин Марат Валеевич (г. Уфа)

доктор филологических наук, профессор
Чеченов Али Ахметович (г. Москва)

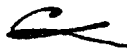
Ведущая организация - Чувашский государственный универ-
ситет им. И. Н. Ульянова

Защита состоится **«16» декабря 2004 г. в 15.00 часов** на заседании
диссертационного совета Д 022.001.01 в Институте языка, литературы и
искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан по
адресу: 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной биб-
лиотеке Казанского научного центра РАН (Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31).

Автореферат разослан **«15» ноября 2004 г.**

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Саберова Г.Г.

2005-4
23073

932516

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В лингвистике конца XX - начала XXI столетий, знаменующей смену научных парадигм, начала складываться антропоцентрическая модель изучения языка через призму сознания его носителей и выделения в языковых объектах знаков культуры.

Актуальность нашего исследования, которое основывается на антропологической парадигме и анализирует языковую картину татарского мира через базовые ее концепты, обусловлена необходимостью восполнения общечеловеческой наивной картины мира и получения информации о способах ее концептуализации в языках разных типов; в соответствии с избранным антропологическим подходом к фактам татарского языка реферируемая работа предполагает синтез объективно-научного видения проблемы и различных ценностных установок.

В современной лингвистике продолжается процесс переосмысления роли языка в генерировании и функционировании основных механизмов когниции человека и культуросозидательной деятельности. Язык при этом понимается как культурный код нации, а не просто как средство коммуникации.

Антропоцентризм, выступая ведущим принципом современного языкознания, в настоящее время активно взаимодействует с традиционной системно-структурной парадигмой. Функциональное описание в современных исследованиях совмещается с когнитивным подходом и оцуществляется на широком социокультурном фоне.

Язык находится, как известно, в неразрывной связи с культурой: в языке находят отражение те черты действительности, которые представляются релевантными для носителей соответствующей культуры. Решение вопроса о соотношении языка и культуры во многом связано с поиском универсального и специфического в восприятии реальности носителями разных лингвокультурных традиций. Одним из аспектов такого исследования является комплексный анализ ключевых культурных концептов на материале отдельного языка, что является, безусловно, обязательным в выявлении этнических особенностей менталитета различных народов. Необходимость детального выявления национально-культурной специфики ассоциативного мышления представителей различных лингвокультурных общностей обусловлена тем, что анализ наивной картины мира является надежным средством исследования национально-культурных особенностей языкового сознания носителей тех или иных языков и культур.⁴

В отечественном языкознании в последние годы появилось значительное число работ, посвященных изучению концептуальной карти-

ны мира и послуживших для данного исследования в качестве научно-методологической базы (Н.Д.Арутюнова, Т.В.Булыгина, В.И.Карасик, О.А.Корнилов, Д.С.Лихачев, С.Х.Ляпин, О.Н.Селивестрова, Ю.С.Степанов, А.Д.Шмелев и др.).

Наиболее часто внимание ученых привлекают концепты *душа, сердце, страх, тоска, печаль* и другие конфигурации понятий, связанных с этическими и эмоциональными состояниями. Изучение названных концептов проводится преимущественно на материале русского языка, тогда как по языкам народов, проживающих в Российской Федерации, таких трудов относительно немного. В этой связи следует отметить исследования лингвистов на материале адыгейского, балкарского, башкирского и кабардинского языков (З.Х.Бижера, Р.М.Валиева, А.И.Геляева, Ж.Х.Геркоготова, И.Р.Мокаева, З.М.Раемгужина, Р.Х.Хайруллина, З.Р.Цримова и др.). В рамках же татарской лингвокультуры ощущается явный дефицит специальных работ в данном направлении.

Все сказанное предопределяет актуальность темы диссертационного исследования, которое выполнено на пересечении антропоцентрической, функционально-когнитивной, коммуникативно-функциональной, структурно-семантической парадигм с привлечением большого пласта этнокультурного материала.

Объектом исследования явились базовые концепты языковой (татарской) наивной картины мира, где, как и в любой культуре, ключевым является концепт *человек*. В татарской картине мира он выражается словом *хеше*.

Для лингвокультурологии очень важно концептуальное оформление в языке того пространства, внутри которого протекает будничное, повседневное существование человека -членов этноса. Этим обусловлено исследование семиотического наполнения сегмента *дом-жилье* в татарской лингвокультуре.

Специфика устройства жилища и его семиотическая наполненность напрямую связаны с историческим и культурным опытом народа, с особенностями организации семейной жизни, с теми реалиями, которые окружают человека как представителя определенного этноса, человека исторически и культурно детерминированного. Комплексное описание материальных концептов сферы *дом-жилье* привело нас к необходимости изучения основных терминов родства, поскольку дом представляет собой место локализации отдельной семьи, будучи ее метонимическим заместителем.

Особенности конструирования человеком «второй природы» - мира артефактов налагают свой отпечаток на духовную культуру и, в свою очередь, сами в значительной мере определяются ее факторами.

Следовательно, концептуализация внутреннего мира человека становится следующим шагом в проводимом исследовании.

Введение в научный обиход понятия «концепт» (С.А.Аскольдов, А.Вежбицкая, В.И.Карасик, Е.С.Кубрякова, Д.С.Лихачев, С.Х.Ляпин, Р.И.Павиленис, Ю.С.Степанов и др.) как основной ячейки «культуры в ментальном мире человека» (Ю.С.Степанов, 1997: 40) послужило хорошей методологической базой для последующих исследований в названной области и получения достоверных сведений о формировании концептов как сегментов национальных концептуальных систем.

Предметом исследования является функционирование ключевых материальных и духовных концептов в языковой картине мира татарского народа.

Целью исследования является выявление особенностей концептуализации выделенных фрагментов материального и духовного мира и изучение специфики функционирования рассматриваемых концептов в татарской лингвокультуре.

Исходя из указанной цели, в диссертации ставятся следующие основные задачи:

- проанализировать основные исследовательские подходы к национально-языковой картине мира;
- рассмотреть интерпретацию понятия *концепт* в современной лингвистике, произвести анализ методов и приемов экспликации лингвокультурных особенностей концепта на фоне его универсальных характеристик;
- выявить возможности лингвокультурологии как теоретического основания для исследования лингвокультурных особенностей концептов;
- раскрыть лингвокультурологический потенциал татарских лексических, фразеологических и паремиологических единиц с учетом реальных требований лингводидактики;
- очертить возможность применения результатов лингвокультурологии в практике преподавания татарского языка в монолингвальной и полилингвальной аудитории;
- произвести комплексный анализ концептов в сегментах реальности *дом-жилье*, *национальная одежда*, сегменте *социальных отношений и терминов родства* в языковой картине мира татар;
- выделить и исследовать базовые концепты внутреннего мира в татарской языковой картине мира;
- определить этноспецифику языкового отражения концептуальных составляющих материального и духовного мира человека.

Материалом исследования послужили языковые единицы, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников. Был использован фразовый материал из произведений классической и современной художественной литературы, сборников татарских пословиц и поговорок. Подстрочный перевод татарских примеров на русский язык выполнен диссертантом.

Методологическую основу проведенного исследования составили труды отечественных и зарубежных исследователей по проблемам лингвокультурологии, языковой семантики, а также общим вопросам языкознания и лингвофилософии (В. фон Гумбольдт, А.А.Потебня, Э.Сепир, Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, Л.К.Байрамова, Г.А.Брутян, Е.М.Верещагин, В.В.Воробьев, В.Г.Гак, Ю.Н.Караулов, В.Г.Костомаров, Н.А.Красавский, В.А.Маслова, В.И.Постовалова, Л.Г.Саяхова, Б.А.Серебрянников, З.К.Тарланов, В.Н.Телия, С.Г.Тер-Минасова, В.И.Убийко, Е.В.Урысон, Б.А.Успенский, Р.М.Фрумкина и др.).

Методы исследования. Выбор методов лингвистического анализа обусловлен спецификой исследуемого материала и целью диссертационной работы. Наряду с описательным методом применены элементы логического, концептуального, когнитивного, сопоставительного анализов в контексте проблем культурологии, этнологии и этнолингвистики. В исследовании применялись также общенаучные методы конструирования и моделирования идеальных объектов (концептов) и метод «тренированной интроспекции».

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем *впервые:*

- осуществлен интегративно-интерпретирующий подход к изучению фрагментов концептосферы татарской языковой картины мира;
- представлена комплексная репрезентация материальных и духовных концептов на материале единиц разных уровней языка с элементами сопоставления их с соответствующими концептами неродственных языков;
- показана значимость рассмотренных сегментов языковой картины мира татарского народа в практике преподавания татарского языка;
- обоснован лингвокультурологический потенциал татарских лексических, фразеологических и паремиологических единиц для лингводидактической практики.

Положения, выносимые на защиту. Комплекс культурно-языковых констант пространства татарского мира, носящий операциональный характер, задает основные парадигмы, определяющие возможность и условия активности человека - носителя татарского языка - в окружающем мире; вокруг этих констант выстраиваются в сознании человека вся структура бытия и все системы значений.

Совокупность стереотипов культурно-национального мировидения, отраженных в языке через единицы лексических, фразеологических и паремиологических уровней, образует концептуальную картину татарского языкового мира. Благодаря включению параметров описания «внешнего» и «внутреннего» человека и социума в языковом образе мира все элементы структурированы и соотнесены с самим человеком.

Материал татарского языка, проанализированный впервые в аспекте языковой концептуализации, подтверждает универсальные аспекты концептуализации материального и духовного мира, выявляя в концептах одновременно и национально-специфическое.

Специфика татарского языкового мира, его концептуальной системы заключается в тесном переплетении и взаимопроникновении концептов внутреннего/духовного и внешнего/материального мира и значимости отдельных фрагментов для носителя татарского языка. К категории культурно значимых относятся концепты *ил-денья* (мир), *йорт* (дом-жилье), *акыл* (ум), *щан-йэрэк* (душа-сердце), *намус* (честь) и др., а также термины родства, между которыми существует система гибких корреляций. Их понятийное содержание основывается на социально-историческом опыте народа, универсальных и национально-специфичных ценностных ориентирах.

Внутренний мир человека моделируется по аналогии с внешним, объективным миром путем отражения чувственного и рационального уровней познания; последние в татарском мире относительно четко разграничиваются.

В практике преподавания как родного, так и неродного языков целесообразно совмещение основных парадигм лингвистики: структурно-семантической, коммуникативно-функциональной и антропоцентрической.

Знаки культуры, отраженные в языке и включенные в лексикографические источники, способны предоставлять комплексные знания о национально-культурных стереотипах татарского этноса и тем самым способствовать межкультурной и межэтнической коммуникации.

Теоретическая значимость диссертации. Материал исследования и его результаты будут способствовать дальнейшей разработке одного из актуальных направлений современной лингвистики - лингвокульту-

рологии. Лингвокультурологический анализ основных материальных и духовных концептов позволит глубже изучить систему мышления тюркских народов и особенностей человеческого мышления в целом. Результаты исследования могут способствовать постановке и решению новых актуальных проблем культурологии, межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что собранный и систематизированный материал, а также результаты исследования будут способствовать углублению исследований культурных концептов как способа конструирования языковой реальности и способа отражения этнического менталитета. Материалы исследования могут быть включены в словари татарских и тюркских культурных концептов. Предложенный подход к анализу языкового материала может быть учтен в лексикографической практике. Результаты исследования целесообразно использовать в практике преподавания татарского языка (как родного и неродного) учащимся разных уровней. Комплексный подход, представленный в данной работе, может применяться в целях всестороннего исследования других современных проблем языкознания.

Апробация работы. Основные научные результаты, полученные в процессе исследования, были изложены и обсуждены на международных (Талдыкорган, 2002; Казань, 2004; Пенза, 2004; Уфа, 2004), всероссийских (Москва-Казань, 2002; Казань, 2004), региональных (Казань, 2002, 2003; Набережные Челны, 2002; Казань-Азнакаево, 2002; Стерлитамак, 2003) и республиканских (Казань, 1998-2004; Набережные Челны, 2003) научно-практических конференциях.

Материалы диссертации были использованы при чтении курса «Татарская культура в языковом отражении» для студентов факультета татарской филологии Казанского государственного педагогического университета.

Основные положения диссертации нашли отражение в пяти монографиях (59 п.л.), пяти программно-методических пособиях (25 п.л.) и серии публикаций.

Структура работы определена целью и задачами исследования. Она состоит из введения, трех частей, включающих шесть глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* представлены содержательные и структурные характеристики исследования, определены его цель и задачи,

сформулированы основные методологические установки работы, научная новизна и положения, выносимые на защиту.

Часть I «Теоретико-методологические предпосылки изучения татарской национальной языковой картины мира» диссертации носит вводно-теоретический и методологический характер. В ней дан краткий обзор научных направлений в изучении взаимодействия феноменов языка и культуры, подробно рассмотрены используемые в работе базовые понятия «концепт» и «языковая картина мира».

Современная наука развивается и функционирует в особую историческую эпоху. Ее общекультурный смысл определяется включенностью в решение проблемы выбора жизненных стратегий человечества, поиска им новых путей цивилизационного развития. Традиционная схема «индивид - познание - объект», с точки зрения специалистов, исчерпало свою эвристическую ценность, получило распространение убеждение в том, что познание есть многоуровневый и многомерный процесс, проявляющий свою зависимость от целого набора детерминант и опосредующих факторов. Углубление и разработка новых положений гносеологии, интеграция деятельности лингвистов, логиков, философов, специалистов по разным аспектам исследования культуры привело к формированию когнитивной лингвистики. Весьма показательным, что вместо узкоспециальной разработки *темы исследования* отдельные научные дисциплины на рубеже тысячелетий объединяются вокруг исследования определенной актуальной *проблемы*, которая не может быть вписана в прокрустово ложе частной науки. Такое интегрирование наук - закономерный процесс развития цивилизации, задающей векторы дальнейшего развития не только гуманитарного, но и научного знания вообще.

Одним из основных понятий когнитивной лингвистики и лингвокультурологии стал концепт (термин «concept» заимствован из математической логики и переосмыслен в русле актуальных проблем языкознания). У исследователей не вызывает сомнения большой эвристический потенциал концепта, однако дискуссии о его природе, несмотря на большое количество научных разработок, не прекращаются.

Проблема восприятия окружающего мира издавна привлекала внимание человека. Воспроизведение модели мира осуществлялась не только в рамках мифологии, религии, наук о природе, но и в процессе осмысления связи языка и действительности, соотношения «слов и вещей» на самых разных этапах развития науки о языке.

Очевидно, что соотношение «слов и вещей» - традиционная проблема на пограничной территории между языкознанием, логикой и философией. Осознание исторически изменчивого характера осмысления

этой проблемы привело нас к обоснованию исторических аналогов и предпосылок концептологии; в частности, очевиден понятийно-концептуальный базис платоновских идей, эйдосы являются не только материально-физическим бытием, но также бытием идеальным, смысловым, хотя их телесная оформленность еще неотделима от их идеальности (Лосев, 1992).

В космосе античной культуры смысловая, рационально-концептуальная идеальность элементов предстает в субстанциональном тождестве с материально-телесной оболочкой. Древние греки полагали, что с помощью понятий познаются существенные, коренные свойства бытия; более того, считалось, что эти понятия укоренены онтологически. Дальнейшую разработку проблемы мы обнаруживаем в средневековой схоластике в дискуссиях номиналистов и реалистов. Необходимо отметить, что взгляды на язык в философии имени, где язык разворачивается как особая номенклатура, соответствуют некоторым константам и общим представлениям о мире как о совокупности вещей, размещенных в «пустом пространстве». В такой парадигме имя вещи связано не только с вещью, но и с ее «сущностью». Как бы то ни было, имя случайно, временно или условно как конкретное слово, суть наименования состоит в закреплении сущности вещи, вневременной, неслучайной и безусловной. Язык рассматривается как совокупность «имен вещей», которая открывает путь к познанию сущностей.

В современной логике понятие определяется как мысль, которая в обобщенном виде отражает предметы и явления путем фиксации их основных свойств, признаков и отношений. Понятие - одна из форм отражения мира в процессе познания, связанная с применением языка. От понятий логики, строго очерченных и достаточно неподвижных, отличаются слова, которые человек использует в повседневной жизни. Здесь понятия классифицируются скорее по типу, а не по формально выраженным общим признакам. В мышлении народа или даже отдельного человека понятия образуются преимущественно не путем объединения в понятия одинаковых признаков, присущих группе предметов, но прежде всего по тому, что в них перерабатываются такие свойства, которые являются наиболее существенными с точки зрения мировосприятия этноса, стереотипов языкового сообщества.

В данном исследовании мы отталкиваемся от определения концепта, предложенного Ю.С.Степановым в известном его труде «Константы. Словарь русской культуры», где концепт понимается как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово» (Степанов, 1997: 40). В отличие от понятий, концепты не только мыслятся, но и *переживаются*, они связаны с эмо-

циями, с симпатиями и антипатиями отдельной личности и языкового сообщества в целом. Структура концепта характеризуется сложностью и многоуровневостью: с одной стороны, ему характерно «все, что принадлежит строению понятия», с другой стороны, в структуре концепта представлено все то, что «делает его фактом культуры». На разных уровнях структуры концепта находит свое отражение его происхождение, этимология, различные современные ассоциации, оценки и т.д.; обычно в концепте выделяется три компонента: понятийный, смысловой, и ценностный (Карасик, 1996).

Дискуссионной в научной литературе остается проблема тождественности или нетождественности концептов, универсальности и уникальности в разных языках. Для тех исследователей, которые не разводят терминологически «понятие» и «концепт», важно то, что рациональное ядро понятия, то есть его содержательная сторона, может быть переформулировано, адекватно передано средствами разных языков (Е.К.Войшвилло). Согласно иной, более распространенной в настоящее время точке зрения, концепты в разных языках и культурах не совпадают, поскольку при формировании концепта или понятия выделяют разные стороны наблюдаемых процессов и явлений, хотя определенная общность при этом, безусловно, прослеживается (А.Вежицкая, Н.А.Красавский, З.Х.Бижева и др.). Отдельный концепт реализуется только в рамках концептуальной системы языка в целом, и вне системного подхода немыслимо представить ни содержательные пласты, ни специфику отдельных концептов. Ярким примером этому является национально-специфический концепт *мои*, реализуемый в татарском языке.

Язык сам по себе «является не концептуальной системой», а средством строения и символической репрезентации различных концептуальных систем, а также средством передачи содержащейся в них разнообразной информации. Концептуальная система в подобном понимании - это не совокупность правил употребления языковых выражений и не свод энциклопедических знаний о мире, а система взаимосвязанной информации, отражающая познавательный опыт индивида на невербальном и вербальном уровнях и в самых разных аспектах познания; «наиболее абстрактные концепты в такой системе континуально связаны с концептами, отражающими наш обыденный опыт как часть одной концептуальной системы» (Павиленис, 1986: 387).

Следовательно, концепт - это многослойное, интегративное образование, имеющее логически вычленимое ядро и различные пласты, обусловленные социокультурным и лингвокультурным фоном.

Наиболее показательны среди культурных концептов имена абстрактных понятий, не имеющих непосредственной вещественной «опоры» во внеязыковой действительности в виде денотатов, семантика которых проявляется через сигнификативный аспект значения. Понятийное содержание таких концептов конструируется носителями языка исходя из лингвокультурной системы ценностей, поэтому культурные концепты способны наиболее ярко отражать специфику языковой картины мира.

Процесс и результаты языковой номинации связаны с образованием понятий, в которых природные свойства вещей и явлений даны в виде снятой предметности. Семиотический и гносеологический аспекты языковой номинации предполагают рассмотрение двух взаимосвязанных процессов: абстрактного обобщения свойств предметов и репрезентации результатов осмысления в языковом знаке.

В процессе номинации производятся процессы обобщения, типизации, классификации, сравнения, конкретизации, причем человеческая мысль балансирует между абстрактной виртуальной моделью предмета и множеством реально существующих объектов, которые существенным образом отличаются по своим индивидуальным признакам. При этом естественно, что в разных лингвокультурных общностях у объекта могут быть выделены разные квалификативные характеристики, поразному концептуально оформленные. Любое наименование в языке обусловлено опытом, который предшествует акту наименования, и определяется основными тенденциями и закономерностями формирования концептуальной системы конкретного этнического языка.

Для того, чтобы изучить отдельную лингвокультуру, исследователю необходимо взглянуть на нее глазами носителей конкретной культуры и увидеть очевидные для него смыслы ее отдельных элементов, связи между последними, а также научиться говорить о культуре в тех категориях и с теми акцентами, которые естественны для ее носителя.

В антропологии концепция картины мира была сформулирована Р.Редфильдом. По его определению, картина мира - это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представление членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире.

Если концепция «национального характера» касается прежде всего взгляда на культуру со стороны внешнего наблюдателя, то картина мира, напротив, предполагает исследование взгляда представителя определенной этнокультуры на внешний мир. Концепция «картины мира» подразумевает интерпретацию культуры, выявление

оттенков, характерных только для нее, применение к исследованиям метода эмпатии/«сопереживания» (Лурье, 2003).

Языковая картина мира является одним из способов структурирования знаний об объективной действительности. Все знания человека о мире, полученные им в течение жизни, существуют в его сознании в виде наивной картины мира, которая определяет отношение человека к реальности, оказывает влияние на нормы поведения, на становление системы ценностей, социально детерминированных императивов и запретов, на стратегию жизнедеятельности, способы осознания человеческой субъективности.

Обозначенную языковую, или наивную, картину мира принято интерпретировать как отражение обиходных, бытовых, житейских представлений о мире. Поскольку языковая модель мира закреплена и выражена в языке, в его лексике и значимых грамматических категориях, то методом описания данного объекта становится семантический анализ лексических и грамматических значений того или иного конкретного языка.

Для нас представляется очевидным, что, только обобщая результаты тщательного семантического анализа языковых единиц, входящих в конкретное семантическое поле, исследователь сможет прийти к достоверным выводам о том, как членится языком выбранный фрагмент действительности, какие атрибуты вещей и ситуаций трактуются языком как существенные, какие им игнорируются.

Картина мира — это модель мира, созданная и воспринимаемая человеком, который бессознательно проецирует свой взгляд на окружающую действительность, и поэтому данная модель мира неминуемо становится антропоморфной. Субъектом познания всегда выступает исторически конечный человек, и каждая из культурных конфигураций является следствием уникального исторического процесса.

Специфика языковых картин мира как особых моделей реальности определяется как понятийной категоризацией действительности, так и непонятийным содержанием, различиями в выделении и акцентировании жизненно важных для этноса срезов реальности и в аксиологическом маркировании действительности. Общепризнано, что ядро национальной картины мира составляют культурные ценности, предопределяющие базовые категории при конструировании картины мира. Выбор наиболее значимых ценностей и антиценностей характеризует тип культуры того или иного социума (Арутюнова, 1999). Индивидуальная картина мира складывается под влиянием самых разных факторов, среди которых важное место занимают возрастные особенности, профессиональная подготовка, личный эмоциональный опыт человека.

Описание структуры языковой картины мира предполагает два уровня: первый заключается в выявлении общечеловеческого, универсального содержания языковых знаков или же концептов как компонентов языковой картины мира, второй - в характеристике специфики национального языка как способа закрепления опыта познания мира определенной этнокультурной общностью.

Концепция картины мира предполагает в первую очередь когнитивное содержание - информацию о способах познания людьми окружающего мира. Но на практике исследователи, описывающие «образы мира», присущие тем или иным народам, изучают не то, как народы познают мир, а результаты этого познания, зафиксированные в системе культуры. Для лингвиста - это те результаты, которые откристаллизовались в единицах языка разного уровня.

Расхождения в языковых картинах мира разных лингвокультурных сообществ являются одним из основных препятствий как при коммуникации, так и при изучении и преподавании языка как неродного, поскольку интерференция родного языка неизбежно сказывается на всех уровнях. Привычные для индивида способы категоризации действительности требуют своего выражения в лексической и грамматической системе изучаемого неродного языка. Соучастие языка и культуры - важный и необходимый фактор повышения мотивации в процессе преподавания любого языка. Ознакомление с культурой народа облегчает овладение языком, расширяет кругозор обучаемых, стимулирует интерес. Овладение неродным языком формируется на базе речевого опыта и характеризуется усвоением национальных ценностей, ознакомлением с особенностями психологии, менталитета народа - носителя изучаемого языка, приобщением к новому способу видения реалий действительности.

Необходимым элементом такого приобщения к культурным ценностям народа-носителя изучаемого языка являются, по нашему мнению, словари этнокультурологической лексики. Так, «Татар теленец этнокультура лексикасы: сузлек-белешмәлек» (Жамалетдинов, 2003) - словарь культуры татарского народа, выполненный в контексте языка, но в особом логическом пространстве лингвокультурологии.

Базовой единицей данного словаря выбран концепт. Непосредственными единицами этнокультурологического описания стали лексемы, фразеологические единицы, фрагменты словообразовательных гнезд, паремии, отражающие характер языкового мышления этноса. Важная особенность ключевых концептов той или иной культуры - укорененность их не только в языке, но именно в культуре этноса.

Применение герменевтико-интерпретационного метода позволяет описать способ смыслового существования некоторой единицы как ключевого концепта татарской лингвокультуры.

Именно исследование картины мира позволяет в наибольшей степени приблизиться к аутентичному пониманию той или иной лингвокультуры, очертить механизмы, в которые вписываются конкретные когнитивные установки того или иного народа, его философские представления, этические и эстетические нормы, религиозные и «научные» верования.

Сама метафора «языковая картина мира» свидетельствует о том, что речь идет о производимой человеком замене «реального» мира сконструированной моделью или образом мира. Причем языковая картина мира отражает спонтанное (еще не отрефлексированное) целостное восприятие мира человеком. Исследование картины мира предполагает особое внимание к тем категориям, в которых описывают свою культуру сами носители этой культуры. Это предполагает действенную попытку преодоления пресловутого «евроцентризма» и признания самостоятельного значения разнообразных культурных систем. Исследование специфики тюркской языковой картины мира позволит, на наш взгляд, углубить теоретические основы и высветить новые аспекты видения проблемы.

Необходимо отметить, что постановка вопроса о национальной языковой картине мира невозможна без философского обобщения, иначе существует опасность, что такое исследование может превратиться в изучение словарного фонда языка или системы лексико-фразеологических единиц языка.

Язык связан с культурой теснейшим образом: он «прорастает» в ней, выражает ее, является обязательной предпосылкой развития культуры в целом (Сепир, 1993); язык выступает в качестве реализованной «внутренней формы» выражения культуры как внеязыкового содержания предметно-понятийного характера, а культура - как процесс освоения человеком действительности на всех уровнях.

Картина мира - базисное понятие философской антропологии, национальные модели мира можно считать уникальными проекциями инварианта бытия- Национальная картина мира, формирующаяся на основе культурных констант и ценностных доминант, - это система мировоззрения, в значительной степени неосознаваемая ее носителями.

В части II «Лингвокультурология и проблемы обучения татарскому языку» обобщены основные положения лингвокультурологии как «культурного кода нации», рассмотрены методологические и прикладные лингводидактические аспекты лингвокультурологии.

Любая научная дисциплина характеризуется наличием собственного объекта исследования и арсенала своих методов, поэтому в первой главе представилось логичным рассмотреть методологических проблем лингвокультурологии.

Концептуальная направленность современной лингвистики, вновь актуализировавшая ведущую роль связи языка с мышлением при анализе стратегий и механизмов номинации и речи, способствовала прежде всего ее обращению к человеку как к субъекту наименования и коммуникации, а также как к носителю когниции (под когницией понимается процесс идеального воспроизведения реальности в сознании). Последним термином обозначаются как процессы сенсомоторного опыта, так и мышление и речь, которые в виде чувственного и рационального уровня познания участвуют в освоении реальности. Познание понимается не только как индивидуальная деятельность, оно всегда осуществляется в рамках исторически конкретной культуры средствами языка и логики, в органической связи не только с личным, но и общественным опытом. При этом современную лингвистику интересуют не только способы выражения сознания, но и механизмы генерирования и особенности концептуализации и категоризации реальности средствами языка.

Язык признается фундаментальной характеристикой человека, человеческое сознание немислимо без и вне рамок языка как способности к порождению и восприятию речи. Слово находится между сознанием и мыслимым предметом, участвуя в бытии и того и другого. Оно отделяет их друг от друга, давая тем самым возможность отличать возникающее благодаря слову представление о предмете от самого предмета. В языке запечатлевается, находит выражение та или иная сфера жизни, язык отсылает к определенной области опыта, переживаний. Всякое понятие, которым пользуется человек или народ, по своему содержанию и объему находится в зависимости от того, что совершается в мышлении и какое место в его сфере занимает данное понятие.

Говоря о современных принципах концептуального анализа, можно сформулировать следующие основные теоретические положения, признаваемые подавляющим большинством исследователей: значимость концептуального пространства для любого развитого национального языка, связь языка и культуры, включенность языка в концептосферу культуры.

В настоящее время уже существуют разнообразные лингвокультурологические методики описания культурных концептов. Эти методики имеют разные названия, отражая в своих номинациях либо исследуемый языковой материал, либо ключевые моменты

проводимого анализа (Н.Д.Арутюнова, А.П.Бабушкин, А.Вежицкая, В.И.Карасик, Н.А.Красавский, Ю.С.Степанов, И.А.Стернин и др.).

Концептуальный анализ может базироваться на компонентном анализе, поскольку выявление комбинаций семантических признаков позволяет раскрыть содержательный объем исследуемых концептуальных величин, определяя их место в смысловом континууме языка, делает их узнаваемыми в ряду других концептов.

В процессе концептуального анализа лексем может использоваться метод анализа словарных дефиниций, основанный на представлении о том, что в слове и его толковании фиксируются результаты когнитивных усилий человека. Рядовые носители языка, как правило, не соотносят свои знания со словарными дефинициями, но такое толкование представляет единственную возможность вплотную увидеть спектр обозначенного словом концепта, выявить когнитивную структуру лексемы (Бабушкин, 1996). Для выявления концепта проводится анализ лексического значения слова на основе принципов когнитивной семантики с использованием соответствующего категориального аппарата. В рамках данного направления значение слова раскрывается с точки зрения перехода от реальной ситуации к высказыванию о ней (Кравченко, 1998).

Язык в лингвокультурологической концепции Н.И.Толстого трактуется как «естественный» субстрат культуры, который пронизывает все ее структуры и служит инструментом «ментального упорядочивания мира» и «средством закрепления этнического мировидения». Такой подход предполагает взаимозависимость языка и невербальных реализаций культуры (слова и предмета, действия, изображения или обряда). Язык не только отражает культурную реальность, но и активно формирует внеязыковые культурные коды. Исследование механизмов эволюции языка требует выявления факторов, находящихся за его рамками. «Многослойность, многоуровневость знаковых структур - неотъемлемое свойство языка культуры, обеспечивающее смысловую глубину культурных текстов» (Толстой, 1995: 293).

Как утверждает С.В.Лурье, мы живем в мире значений, причем значений социально установленных, конвенциональных, и каждая культура представляет собой «сконструированный» мир (Лурье, 2003).

Культура с позиций психологической антропологии - это система ментальных значений, которая охватывает все аспекты мироздания, как материальные, так и идеальные, если они лежат внутри принятых культурой рамок; она представляет собой структуру, в которой все компоненты жестко взаимосвязаны и взаимозависимы.

Такое определение культуры представляет интерес и для лингвокультурологии, - поскольку эти культурно обусловленные значения наиболее последовательно вербализуются в лексическом фонде народа - носителя данной культуры и развертываются в концептосфере как смысловые комплексы артефактов в широком смысле. Структурно-образующие компоненты культуры являются парадигмами восприятия, определяющими характер деятельности человека. Наполнение культурных констант конкретным содержанием представляет собой сцепление бессознательных образов с фактами реальности, или, если воспользоваться термином психоаналитиков, являет собой трансфер - перенос бессознательного комплекса на реальный объект. С помощью трансфера выстраивается и картина мира - некий глобальный образ-сценарий.

Поскольку в языковой картине мира реальность всегда схематизирована, относительна, культурно преломлена, то и действия, и слова людей с «объективной» точки зрения могут выглядеть неадекватными. Слова или поступки вписываются в культурно детерминированную глобальную структуру бытия, и потому их рациональность может быть понятна внутри логики рассматриваемой культуры.

Исследователи отмечают, что татарская этническая общность имеет сложную внутреннюю структуру, которая в полной мере еще не проанализирована (Татары, 2001).

В самом общем виде татарская языковая личность может быть определена как носитель татарской национальной культуры, его обобщенное языковое воплощение. Естественно, мы здесь неизбежно сталкиваемся с размытостью, расфокуси-рованностью понятия «татарскости», с необходимостью выделения ее сущностных характеристик.

Среди основных этноинтегрирующих факторов сами татары называют родину, родную землю, природу родного края, народные традиции, профессиональную принадлежность и язык. Тема ностальгии, тоски по родине (*сагыш, сагыяу*) - одна из ведущих тем татарских народных песен, что вполне естественно вследствие дисперсного характера проживания представителей татарского этноса. Это обстоятельство, в частности, позволяет нам выделять концепт *сагыш* как один из ключевых концептов татарской лингвокультуры. Показательно, что в татарском языке есть особый глагол - *жирсэу, жирсену* (от *жир* - земля) со значением «тосковать по родной земле».

В данной части диссертации выявлен и лингвокультурологический потенциал татарских лексических, фразеологических и паремиоло-

гических единиц, представляющих интерес для практики преподавания татарского языка как родного и неродного.

В семантике слов и фразеологизмов происходит не только членение и категоризация континуума окружающего мира, выделение в нем дискретных сущностей, но и его переосмысление, интеграция нового знания в систему ранее приобретенной социокультурной информации, формирование эмоционально-оценочного отношения к нему этнокультурного сообщества. В результате этого рождаются довольно устойчивые микро- и макротексты как явлений культуры. Используя такие микротексты, человек присваивает заключенный в них опыт, внедряя его в собственное сознание.

Культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации образного основания фразеологических единиц или метафоры путем соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами.

Так, в сознании носителей татарского языка слово *моц* совмещает *грусть, тоску, проникновенную печаль, ностальгию, задушевность, лиризм, мелодию, напев, гармонию. Моц-* слово, передающее специфику татарской национальной духовной культуры, татарского взгляда на бытие в целом и существование человека в мире. Это тихая, скрываемая от постороннего взгляда светлая печаль, проникновенная грусть, которая может быть на время заслонена от человека повседневными житейскими хлопотами, но не может исчезнуть насовсем. На наш взгляд, *моц-* категория экзистенциального плана, глубоко укорененная в мировоззрении татар, индикатор определенной эстетизированности татарской национальной картины мира и мера этой эстетизации (*моц* как музыка, гармония, созвучность и *моц* как грусть). Печаль человека - не диссонанс с миром, а особая, национально специфичная форма обретения гармонии с ним.

Фонд паремиологических единиц языка представляет несомненный интерес для лингвокультурологии, так как позволяет реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания. Паремии отражают особенности взаимоотношений между людьми, социально-исторический контекст, особенности быта, обычаи и традиции. Не вызывает сомнения также важность межъязыкового сопоставления паремий, что позволяет четче высветить универсальное и национально-специфическое в пословичном фонде каждого народа.

Изучение паремий с теоретических позиций позволяет выявить, во-первых, культурно обусловленный компонент языковых значений и, во-вторых, рассмотреть когнитивные механизмы формирования

важнейших культурных стереотипов. Функционируя как средство хранения и передачи народного опыта, являясь своего рода кристаллизацией этнического мировоззрения, паремиологические единицы обнаруживают органическую связь с концептами как культурно-специфическими вариантами понятий, которые составляют когнитивный базис национальной языковой картины мира.

Большая часть пословиц возникла в рамках доиндустриального, или традиционного, общества. Традиция предписана общению и деятельности людей как особого рода схема, переходящая из поколения в поколение, от одного индивида к другому, из одной личностной формы в другую, но ей подобную. При этом потенциальное многообразие индивидуальных проявлений реализуется в рамках устойчивого социального стереотипа. Индивид остается личностью в рамках той культурной формы, которая ему определяет традиция.

Обучение человека в таком обществе, как правило, сводится к передаче ему социальных и культурных образцов - форм, которые обеспечивают общественное воспроизводство. Пословицы аккумулируют и транслируют именно такое социально значимое и культурно маркированное знание. Татарские пословицы говорят: *мэкаль сакалдан олырак* (букв, пословица старше бороды); *мөкальдә ялган юк, яхшыда яман юк* (пословице не свойственна ложь, хорошему не свойственно дурное); *мөкальдә һәркемгә дә өлеш бар* (пословицы никого не обделяют вниманием).

В исследовании языковых фактов с точки зрения лингвокультурологии главную роль играет содержание сопоставляемых единиц языка, обусловленное спецификой культуры и другими экстралингвистическими факторами. Так, татарская пословица **«ана күңеле балада, бала күңеле далада»** может быть условно переведена на русский язык как «душа матери полна думами о ребенке, душа ребенка в степи». При этом перевод фиксирует в первую очередь универсальный, общечеловеческий компонент значения. Однако фоновые знания о степи (*дала*) у этноса, в формировании которого приняли многие народы, в том числе и степные кочевые племена, имеют свои отличительные особенности, и они нивелируются при передаче их средствами другого языка. При отсутствии фоновых историко-культурных знаний, связанных с лексемой *дала*, у воспринимающих данное пословичное выражение представителей иной культуры теряются ценные, культурно значимые пласты информации, в то же время возможно восполнение их посредством лингвокультурологического комментирования и выделения семы «равнина».

При лингвокультурологическом анализе паремиологических единиц мы руководствуемся методологическими установками:

- признание паремиологического фонда национального языка в качестве важнейшего средства аккумуляции и трансляции культурного опыта народа;
- признание концептуального единства паремиологического пространства языка как области вербализации важнейших срезов национальной языковой картины мира;
- признание важности паремий для выявления специфики ценностной окрашенности национальной языковой картины мира.

Пословицы несут регулятивную и оценочную нагрузку, координируя поведение индивидов. Так, в татарских пословицах и поговорках четко прослеживаются следующие типы оценок:

1) этическая оценка связанная в первую очередь с традиционной народной моралью (**тәүфыйк – изге юлдаш**, букв, благочестие - священный спутник; **төсөң кара булса да күңелең ак булсын**, букв, если ты даже внешне черной, душа пусть будет белой);

2) эстетическая оценка, обусловленная этническими стереотипами оценки внешней стороны явлений, обыденными представлениями о красоте (**ак матур – чак матур, кара матур – бик матур**, букв. светлая красавица чуточку красива, смуглая красавица очень красива; **матур һәркемнең йөрәгенә ятар – красивая всем по сердцу; битен матур булмаса, көзгегә үпкәләмә** - если не красна лицом, на зеркало не обижайся);

3) функциональная оценка с точки зрения соответствия объекта своему назначению (**матурлык туйда кирәк, акыл көң дә кирәк**, букв. красота нужна на свадьбе, разум нужен каждый день; **аулах вида кыз сайлама, урак кырыда сайла**, букв, не ищи невесту на посиделках, а ищи ее на поле жатвы).

Однако, поскольку традиционное народное сознание часто не дифференцирует типы оценок, в паремиях мы нередко обнаруживаем синкретизм оценок, их нерасчлененный или же комплексный характер: **батырлыкта - матурлык**, букв, красота вотваге; **йөзө күркәмнең холкы куркам-** у погожего лицом человека и нрав добрый.

Как и у других народов, тюрко-татарские пословицы вербально оформляли обычное право и требовали его соблюдения: **ат белая кызы авылдан алма** (букв, не покупай лошадь и не бери жену из своей деревни); **якыннан хатын алсан, колагын каты булсын** (букв, если берешь жену из ближних, заложи ухо); **ач кенлек гомерен булса, княүгә чык** (букв, если осталось жизни хотя бы на три дня, выходи замуж).

Паремии в своеобразной форме аккумулируют и консервируют традиционный уклад быта, основные жизненные установки, правила поведения и иногда в случаях, весьма нестандартных для человека (например, указания, как следует поступить, столкнувшись с нечистой силой и т.п.)- Народная традиция в пословицах, как и в сказках, донесла отголоски язычества: *Бичура белэн пари дус* (букв. Бичура и пэри - друзья). Данный пример интересен тем, что здесь переплетаются восточный, в частности персидский, и собственно тюркский фольклор. Рассматриваемая паремия свидетельствует о том, что в народном сознании исконно свои и заимствованные из арабо-мусульманского культурного ареала мифологические персонажи не только мирно уживаются, но и воспринимаются как нечто однопорядковое, это представители не разных миров, а чреватого опасностями для человека одного мира. В пословичном фонде татарского народа представлены и другие персонажи из традиционной иранской мифологии - *аждаха, дивы*, арабо-мусульманские *джинны* (Махмутов, 1995), что опосредованно свидетельствует о широком распространении среди татарского общества классических произведений восточной литературы.

Представления об этических нормах, которые главенствуют в конкретном языковом континууме, наиболее полно концентрируются в пословицах.

В целом ряде образных пословиц, осуществляющих образную когнитивную обработку определенных знаний о мире, можно обнаружить не только элементы социально-этнических норм, но и увидеть в них по-своему преломленную систему общечеловеческих положительных и отрицательных оценок, отражение общемирового разума человечества, т.е. реальную действительность, которая прошла через фильтр сознания целого этноса и нашла свое выражение в паремиях. Вместе с тем пословицы, оперируя схожим набором положительных и отрицательных стереотипов, ценностей и антиценностей, добродетелей и пороков, испытывают на себе влияние образа жизни, образа мышления этноса.

Рассуждая о национальных образах мира, исследователи часто утверждают, что современная цивилизация сближает народы, а национальные культуры их разводят. Своеобразие национального образа мира наиболее отчетливо проявляется при его сопоставлении с образами мира других народов.

Но пословицы не только отражают в концентрированной форме опыт этноса, знания, систему оценок, но и дают возможность исследовать развертывание комплексов ассоциативных связей, лежащих в основе восприятия мира. Пословицы воплощают стойкое

представление этноса об определенном концепте, в ней фигурируют лишь те концепты, которые хорошо знакомы этносу в процессе жизнедеятельности и являются общезначимыми. Представленность концепта в поговоре – подтверждение того, что он имеет свою нишу в когнитивной системе культуры этноса.

Лингвокультурологическое исследование татарских паремий – необходимая ступень для описания татарской и, шире, тюркской наивной картины мира.

В III части «Ключевые концепты татарской языковой картины мира» диссертационного исследования дается системное описание базовых концептов внешнего/материального и внутреннего/духовного мира.

В первой главе данной части исследованы три базовых сегмента: дом-жилище, национальная одежда, родство. В содержательной структуре рассматриваемых концептов выделяются наиболее значимые семантические компоненты.

Для того чтобы иметь представление о специфике татарского видения мира, нам представляется логичным проанализировать концепт *донья* (мир).

Донья может пониматься как совокупность всего существующего, являясь синонимом к *галэм*- вселенная.

Однако анализ показывает, что в татарской наивной картине мира *донья*- мир как таковой – тесно переплетается с жизнью человека в мире (*тормынг*), со сферой каждодневного существования с ее радостями и горестями, с будничным трудом и повседневными хлопотами. Еще одно значение татарского слова *донья* ассоциируется в сознании носителей татарского языка с большим количеством и огромными размерами чего-либо: *Чэйлэп чыкканчы, донья вакыт узды* (Г.Гобэй). Пока мы начинались, прошло очень много времени.

В татарском языке *донья* понимается как мирская, несакральная жизнь, которая противопоставляется *ахирэт*- вечному потустороннему миру. В данном случае для носителя татарского языкового сознания – это в первую очередь жизнь в миру, маркированном в социальном (как совместное существование людей) и бытовом отношении – сфера развертывания человеческого начала в человеке, где огромное значение имеет труд. Такой мир в человеческом измерении имеет и важное гносеологическое наполнение, являясь источником познания. Татарское *донья*, в отличие, в частности от русских и французских эквивалентов, не включает значения «аристократическое общество».

Любой феномен мира человека не просто факт, а артефакт, продукт заинтересованной интерпретации человека на основе определенного кода культуры, рожденный наличным опытом. С этих

позиций концептуальное оформление в языке того пространства, внутри которого протекает будничное, повседневное существование членов этноса, чрезвычайно важно для лингвокультурологии, которая стремится выделить наиболее значимые культурные семы, охарактеризовать культурное пространство этноса через описание ключевых культурных концептов. Признание этого обусловило исследование семиотического наполнения сегмента дом-жилье в татарской лингвокультуре.

Понятие дома вербализуется в татарском языке лексемами *ей* и *йорт*, между которыми немало общего. Так, оба слова ассоциируются с жилищем - местом проживания человека. При этом понятие *йорт* является более широким по объему, оно обозначает не только пространство внутри дома, как чаще всего бывает с лексемой *ей*, но может объединять двор и хозяйственные постройки.

Слово *ей* более интимно, больше связано с домашним уютом, родственными отношениями, это - пространство внутри стен дома, *йорт* же ассоциируется со зданием вообще, причем не обязательно жилым. В татарской картине мира *йорт* с давних времен означает также родину, родную землю (Идегэй, 1994; Хисамова, 1999), а *ей* никогда не обозначает страну или родную землю. *Йорт* образует особое пространство, обжитое человеком, в противовес *йортсыз жир* - не обжитому человеком, дикому природному состоянию. Для предков татар, часто кочевавших с места на место, *йорт* - это своего рода особая модель мира (ср. *юрта* у казахов), гарантирующая защищенность и уют. *Йорт* создает особое пространство, преобразованное трудовой деятельностью человека, приспособленное к его нуждам и потребностям.

Для татар, издавна занимающихся земледелием и животноводством, дом немислим без подворья - хозяйственных построек, помещений для содержания скота и т.д., подворья, поэтому *йорт* предполагает своеобразную экспансию дома от домашних стен (*ей*) до крестьянской усадьбы в целом.

Устройство татарского жилища аккумулирует черты национальной культуры. Дом у татар - это место пространственной локализации семьи и социальный эквивалент семьи, его метонимический и символический заместитель, о чем свидетельствуют приведенные в работе татарские паремии.

Мы можем предположить, что набор основных признаков *дома* так или иначе соответствует его главным функциям. Самая важная из них - выделить и ограничить фрагмент безопасного для проживания человека пространства, создать микрокосмос - среду, максимально при-

способленную для бытования в ней человека. «Защищенность» предполагает загороженность уже внешних пределов дома {*койма* - забор, *капка* - ворота). Однако остается необходимое условие - контактирование с внешним миром, поэтому чрезвычайно значима функциональная нагрузка окон (*тэрэээ*), дверей (*шпек*), ворот (*капка*). Абсолютно герметичный, закрытый для внешнего мира дом невозможен. Двери и окна - отверстия, прорубленные в стенах дома, хотя в строгом смысле отверстиями они являются, только когда открыты. Функция двери - обеспечивать вход и выход, собственно границей является линия порога - *бусага*.

Материальное и духовное начала, отражая элементы истории народа, важнейшие этнокультурные стереотипы, межэтнические контакты, религиозную принадлежность, представления о нравственности синтезируют традиционный народный костюм. Поэтому далее в диссертации исследуется сегмент *татарская национальная одежда*.

Единство семьи и ее локализация эксплицируется на языковом уровне вполне отчетливо. Кровно-родственное единство напрямую соотносится с пространственным. В разных языках *дом* начиная осмысливаться как *семья, люди, проживающие вместе* (так, в английском языке - одно из значений слова *home* - семья, семейный круг, семейный очаг, *homehold* - семья, домохозяйство; аналогичное значение имеет французское слово *maison* - семья, род: *de bonne maison* - из хорошей семьи; *c'est la maison du bon dieu* - это гостеприимная семья). В татарском языке в контекстном окружении лексема *йорт* (дом) коррелирует с лексемой *гаилв* (семья).

Семейное проживание в одном доме - одно из оснований идентификации семейной группы. Примечательно, что молодой человек - носитель тюркского языкового сознания, собираясь жениться, в первую очередь *обзаводится собственным домом*, на это указывает еще живая внутренняя форма слова *вйлэну*, т.е. в доме происходит локализация отдельной семейной ячейки общества.

Для понимания структуры семьи важно выяснить не только характер связи между ее членами, но и роль каждого в функционировании семьи, характер внутренних отношений. Поэтому далее в диссертационной работе рассматривается концептуализация в языке кровного и собственного родства.

Во второй главе третьей части диссертационного исследования рассматриваются концепты внутреннего мира человека. Как показывает анализ, в языковой картине мира этический и анатомический взгляд на человека взаимно пересекаются и взаимно дополняют друг друга. Наличие материального тела сближает человека с миром других живых су-

шеств, но в то же время в языке констатируется уникальность, исключительность человека в ряду других живых существ. Изучение концептов, описывающих внутренний мир человека, представляет несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить не только особенности антропоцентризма того или иного языка, но прежде всего - универсальные закономерности отражения в наивной картине мира разных аспектов человеческого сознания.

К базовым концептам, определяющим специфику концептуализации в языке внутреннего мира человека, следует отнести концепты *душа* и *сердце*.

Концепт *жан* (душа) в татарском языке обозначает нематериальное начало, основу телесной жизненности. Согласно наивной языковой картине мира, душа вечна и неуничтожима. Именно наличие души отличает живое тело от мертвого: *жанын алу* (букв, отнять чью-то душу) - убить; *жан биру* (букв. отдать [кому-то] душу) - умереть, испустить дух; *жанын кыю* - погубить [кого-то]; *жан алып – жан биреп тору* (букв. существовать вбирая и отдавая душу) - о состоянии между жизнью и смертью или о жизни впроголодь; *жан саклау* (букв, хранить душу) - владеть жизнью, существовать; *жаннан бизу* (букв, охладеть к [своей] душе); *жаннан тую* (букв, тяготиться [своей] душой) - о состоянии человека, уставшего от жизни, потерявшего надежду и ищущего смерти.

Устойчивое противопоставление души и тела, души и плоти в татарской лингвокультуре не обнаруживается, напротив, существует сочетание *жаным-тәнем* (душой и телом): *жаным-тәнем белән ярату* (букв. любить душой и телом). Человек в татарской лингвокультуре в меньшей степени, чем европеец, дуалистичен, расщеплен на отдельные составляющие, что характерно для восточной культуры в целом. Душа и тело у него должны дополнять друг друга, стремиться быть в гармонии; о стремлении к этой корреляции души и тела свидетельствуют примеры из художественной литературы.

Следующий концепт, связанный с внутренним миром человека, - *куңел*. Эта лексема условно может быть переведена на русский язык как *душа* или *сердце*. Однако такой перевод не отражает своеобразия и многомерности татарского слова, которое, находясь среди концептов, характеризующих внутреннее состояние человека, занимает особенное место, совмещая в себе эмоциональный и рациональный уровни внутреннего мира человека, интегрируя сферу сознательного и бессознательного, интуитивного.

Следует отметить, что лексема *куңел* чрезвычайно активно используется в речи, что свидетельствует об исключительной важности данного слова в татарской языковой картине мира. Это также подтвер-

ждается огромным количеством устойчивых выражений с компонентом *куцел*, фразеологический словарь татарского языка включает в себя более 170 фразеологизмов с *күңел* (Исэнбэт, 1963, т. 2).

Куцел в татарском языке используется также для передачи физиологического состояния человека: *куцел болтану* - испытывать чувство тошноты. В этом проявляется нерасчлененный характер, синкретизм наивной картины мира. Интересно, что французы для выражения чувства тошноты используют концепт *сердце*: *avoir le coeur entre le dent* (букв, иметь сердце промеж зубов) - испытывать чувство тошноты; *Il a le coeur sur les bords des levres* (букв, у него сердце на краешке губ) - его вот-вот вырвет. В английском языке аналогичное по внутренней форме выражение *to have one's heart in one's mouth* имеет значение "быть сильно напуганным".

С одной стороны, *куцел* может быть описан как некий внутренний топос, как внутреннее пространство человека, пространство внутреннего мира, на что прямо указывает спектр сочетаемости этого слова: *куцел* может быть пустым (*куцел бушлыгы*), узким (*тар*) или широким (*клиц*), что отражает широту души; так, обращаясь к родному языку, З.Насыйбуллин пишет: «*Синдә – күңелләр киңлеге, Туган жирем ямьнәре, Синдә – илем иркеңлеге, Синдә – дөнья гамьнәре*», букв. В тебе – широта души, красота родной земли, просторы моей родины, в тебе – жизненные заботы.

Внутреннее пространство, обозначенное словом *куцел*, можно открывать (*күңел ачу, күңел капкасын ачу*): *Ачып кердек купме куцелларне, Серен белдек купме бикләреннә? (Х.Әюп)*, букв. Сколько душ мы открыли, Сколько запоров мы тайны узнали?

У этого пространства есть своего рода центр и периферия (*күңел мәркәзе, күңел түрөндә, күңел түрөннән*). Его внутренний объем может быть наполнен (*күңел тулу, күңел тулып ташу*) или опустошен (*күңел бушату*). Это пространство может быть чем-либо занято (*күңелгә кереп утыру*), туда можно что-либо привнести извне (*күңелгә ут салу*) или что-то извлечь оттуда (*күңелдән чыгару, күңелдән алып ташлау*). Оно способно впитывать в себя что-либо извне (*күңелгә сөндөрү*). Там может что-либо храниться (*күңелдә саклау, күңелдә кер саклау*). К нему можно что-либо прикрепить (*күңелгә беркетү*). В то же время концепт *күңел* непосредственно связан с эмоциональным миром человека (*күңелгә шик төшү*).

Кроме того, данное слово может иметь и определенные физические характеристики. *Күңел* может быть окрашен (*кара, ак*), быть чистым или грязным (*саф күңелле, пычрак күңелле*), может становиться твердым (*күңел каткан*), мягким (*күңел йомшау*), а также таять (*күңелне*

зреть) и окрыляться (*күңел канатлану*). *Күңел* может иметь разную температуру (*күңелгә жылы керү, күңел суыну*).

Сопоставление концептов *куцел* и *щан* с целью определения их места в татарской языковой картине мира показало следующее: оба слова активно употребляются как в живой разговорной речи, так и в языке самых разных художественных произведений. В некоторых контекстах они взаимозаменяемы, синонимичны, это возможно потому, что оба слова прямо и непосредственно соотносятся с миром чувств и переживаний, а также с эмоциональной жизнью человека. Содержательная сторона этих концептов имеет отношение в первую очередь к миру сверхчувственных, нематериальных сущностей. Однако анализ сочетаемости этих слов показывает, что они могут обладать также вполне материальными качествами. При этом *щан* - это скорее субстанция, в то время как *куцел* - скорее топос. Совмещение эмоционального и интеллектуального компонентов в *куцел* - существенное отличие "наивной анатомии" от современной психологии, которая четко дифференцирует эмоциональную и интеллектуальную сферы.

Осмысление сердца как средоточия жизненных сил человека делает *йврэк* (сердце) одним из концептов, имеющих чрезвычайно большую смысловую нагрузку. В русской наивной картине мира «сердце - невидимый орган добрых чувств» (Урысон, 2003: 27). Переносное значение этого слова в татарском языке также связано с чувствами и переживаниями человека. *Йврэк* - это внутренний мир человека, душа, память. Несмотря на то, что сердце скрыто за грудной клеткой, оно становится видимым и познаваемым опосредованно, через поступки человека - его обладателя.

Сердце в татарской языковой картине мира ассоциируется с отвагой, смелостью, решительностью, что отражено в татарских пословицах: *батыр булсаң – йөрәктән, көчле булсаң – беләктән* (букв. храбрость – от (из) сердца, сила – от (из) локтя); *батырлык кыяфәттә түгел, йөрәктә* (букв. храбрость не во внешности, а в сердце).

Сердце в татарской языковой картине мира также считается источником физической силы: *көч беләктә түгел, йөрәктә* (посл., букв. сила не в локтях, а в сердце). Естественно, в наивной картине мира сердце при обычных обстоятельствах локализовано в груди. Однако оно может вовсе отсутствовать: *Йөрәге юк* (букв. сердца нет) - о трусливом человеке, не способном испытывать любовь, сострадание, сопереживание.

В наивной картине мира величина сердца напрямую связана с великодушием: тат. *олы йврәкле кеше* (букв. человек с большим сердцем)

- великодушный, то же в англ. а **big heart** (букв, большое сердце), фр. **grand cœur** (букв, большое сердце) - великодушие, благородство.

Как видим, языковые единицы татарского языка свидетельствуют о высоком уровне эмоциональности народа - его носителя, что находит свое выражение в существовании концептов, соотносимых с миром эмоций человека. Национальный характер, оставаясь величиной относительно постоянной, в пределах индивида может иметь многочисленные вариации, что и выражают три рассмотренных концепта внутреннего мира, их культурная разработанность и высокая частотность использования в речи.

В татарском языке наличествуют концепты, напрямую связанные с интеллектуальной и эмоциональной жизнью человека. В частности, в диссертации рассматриваются такие концепты, как *акыл*, *зиһен*, *хәтер*, *кайгы*, *көенеч*, *хәсрәт*, *сагыш*. Все лексемы, входящие в названные концепты, имеют национально-культурные коннотации.

В татарской наивной картине мира разумное начало в человеке - *акыл* соотносится не только с достаточно отвлеченными интеллектуальными способностями, но в первую очередь и с житейским здравомыслием, благоразумием, осмотрительностью. Понятие *акыл* близко к нраву, характеру человека.

Разум человека связывается также с его моральным обликом, поэтому в татарской картине мира *акыл* имеет четко выраженную этическую направленность, приближаясь к «практическому разуму» в кантовском понимании, т.е. к морали. В концепте *акыл* органично сочетаются интеллектуально-рациональное и нравственное начала, поскольку он включает требования, связанные с соблюдением традиционных норм этикета.

По нашему мнению, концепт *сагыш* - один из важных в татарской лингвокультуре. *Сагыш* частично соответствует русским лексемам *тоска*, *грусть*, *кручина*, *ностальгия*. Для татарского этноса, имеющего дисперсный характер расселения, тоска по родной земле имеет важное культурное значение. Это расположение духа, вызванное тоской по кому- или чему-либо. Оно преимущественно связано с расставанием, разлукой: *аерылусагышы*.

Лексема *сагыш* связана, прежде всего, с глубоко личными, внутренними переживаниями человека, однако в ее семантике отражаются внешние проявления переживаемого чувства, видимые для окружающих и визуально ими воспринимаемые: *Аның күзләре сагышланды, тавышы да кинәт йомшарыл, бөтенләй моңсуланып китте* (А.Шамов), букв. Ее глаза стали тоскливыми, голос вдруг стал мягким, грустным.

• В цветовосприятии татар *сагыш* устойчиво ассоциируется с желтым цветом, о чем свидетельствуют фразеологические единицы: *сарыга сабышу, сары сагышка бату* (букв. погрузиться в желтую тоску). *Кайгы ирне картайта, сагыш ирне саргайта* (посл., букв. горе старит мужчину, тоска делает его желтым), *сабын кулны агарта, сагыш йэзне саргайта* (поел., букв. от мыла руки становятся белыми, от тоски - желтым лицо).

По сравнению с лексемой *сагыну*, имеющей четкую рационально объяснимую причину и конкретный объект чувства (в этом случае тоскующий знает, по чему именно он тоскует), то *сагыш* - чувство менее определенное, более расплывчатое, в нем присутствует иррациональный компонент значения, нечто экзистенциальное (тоскующий может и не знать определенно, чем вызвано его переживание).

Значение слова *кайгы* связано с глубоким психическим переживанием, духовными муками, страданиями, которые испытывает человек. Этим же словом называются также события, сопряженные с тяжелыми переживаниями, беда, несчастье. *Каты яшенле яңгыр, боз ..., жэйгә чыккач, кояш та күп вакытлар авылга кайгы салгалый* (Г.Нигъмәти). Сильные грозные дожди, град, ... даже летнее солнце временами приносит деревне беду. Данная лексема используется также для обозначения интересов определенного лица. [*Муртазинга*] *халыктан аерылдың, халык кайгысыннан бигрәк үз кайгыңны кайгыртасың, — диделәр* (Ә.Еники). [*Муртазину*] сказали, что [ты] отделился от народа и печешься более всего о себе, чем о народе.

На русский язык *кайгы* переводится, как *горе, печаль, горесть, скорбь* (небезынтересно, что значение древней тюркской глагольной основы **кад*, согласно этимологическому словарю татарского языка (Эхмэтьянов, 2001), соответствует семантике слов «удивляться», «озадачиться»).

Таким образом, концепт *кайгы* для татарского менталитета - это глубокое психическое переживание, связанное, во-первых, с какой-то утратой, бедой, несчастьем и, во-вторых, - с заботами, хлопотами повседневной жизни. Здесь прослеживается определенная аналогия с русским словом *печаль*, которое для современного сознания ассоциируется с чувством, которое сопровождает мысли о чем-либо тяжелом, однако исторически это чувство связано со значением *забота* (ср.: *опекать* кого-либо, *печься* о ком-либо). Соответственно в татарском языке наличествует фразеологизм, *дөнъя кайтысы* - повседневные, житейские хлопоты, каждодневные заботы.

Как следует из приведенных в диссертации фразеологизмов и примеров из художественной литературы, слово *kaygy* в татарской наивной картине мира может быть представлено как нечто субстанциональное, имеющее при этом пространственные очертания по аналогии с жидким веществом, нечто тяжелое, имеющее вес, физически угнетающее.

Представления о совести, чести, стыде занимают чрезвычайно большой удельный вес в любой лингвокультуре, поскольку связываются с объективацией в языке глубинных составляющих человеческой природы. Здесь необходимо обратить внимание на два взаимосвязанных момента. Во-первых, на оценку какого-либо поступка человека извне, со стороны социума, того коллектива, к которому принадлежит человек и, во-вторых, на оценку изнутри тем, кто совершает оцениваемое действие. То, что социальный фактор детерминирует критерии внутренней оценки личности, ясно показывает русское слово «совесть», где префикс *со-* является эксплицитно выраженным показателем совместности. В татарском языке понятие стыда, связанное с осознанием того, что человек является объектом чужих оценок и посторонних взглядов, наиболее наглядно проявляется в лексеме *оят*.

Слово *намус* условно может быть переведено на русский язык как честь, совесть. Будучи заимствованным из персидского языка, оно через посредство арабского языка появилось в татарском и других тюркских языках. *Намус* связан с оценкой личностью своих собственных поступков, с чувством достоинства на общественном фоне. *Намус* социально значим, его сохраняют перед кем-либо. Второе значение этого слова связано с девственностью, целомудрием женщины. [*Нефисәнең*] *веждань пакь, аның Газиз истәлегенә яисә үз намусына тузан кадәр генә дә күләгә төшергәнә юк* (Г.Бәширов). [*У Нафисы*] *совесть чиста, она не запятнала ни память о Газизе, ни свою собственную честь. Би билеген бирер, кыз намусын бирмәс* (поел., букв. князь может потерять свое княжество, девушка чести своей не потеряет).

Понятие *намус* - одно из определяющих этических категорий. В татарской языковой картине мира *намус* может иметь как рациональное основание и базироваться на рефлексии человека над собственными поступками и действиями других, так и быть сопряженным с миром эмоций.

Соотносимым с *намус* является и концепт *вождан*.

Значение этого слова, заимствованного из арабского языка, может быть определено как моральная ответственность личности за свое поведение. В этом случае важна глубина индивидуальных переживаний

личности, *ввидан* предполагает личную ответственность за поступки, независимо от того, знают об этом другие или нет. Это то, что таится в глубине внутреннего мира и не связано прямо с оценкой извне со стороны социума, заставляет страдать и мучиться за содеянное, независимо от оценки со стороны других. Данный концепт чрезвычайно важен в культурном отношении, поскольку свидетельствует о развитости личностного начала в татарской лингвокультуре, об осознании человеком меры личной ответственности.

Как известно, в силу особой структурной организации мышления человека, многообразных отношений индивида с внешним и внутренним миром, сам человек в языке проецируется в многомерном виде, что обуславливает разнообразие языковых представлений. В связи с этим представляет интерес анализ на материале тюркских языков когнитивной семантики концептов, которые описывают внутренний мир человека, описание тех каналов, по которым человек вербализует себя и «знакомится» с собой в наивной картине мира. Внутренний же мир человека, как известно, не доступен для непосредственного наблюдения, мир идеального выступает как безденотатный объект исследования, который не может быть прямо и непосредственно соотнесен с чем-либо в объективной реальности. В связи с этим особое значение приобретает раскрытие зафиксированной в языковых номинациях информации, очевидна необходимость изучения способов конструирования внутреннего мира человека в тюркской картине мира в рамках лингвокультурологии.

В *Заключении* диссертации подведены итоги исследования и указаны его основные научные результаты.

Язык теснейшим образом связан с картиной мира, предопределяющей языковую когницию. Когнитивность лежит в основе концептуализации знаний о внеязыковой действительности и языкового видения мира.

Языковая картина мира - это особое мировосприятие и мировидение этноса, закрепленное в семантике языковых единиц и понятийно-категориальном составе языка. Категоризация позволяет свести бесконечное разнообразие явлений к определенной классификации, т.е. произвести членение мира на определенные дискретные сущности и классы таких сущностей. Следовательно, языковая картина мира образуется не только номенклатурой номинативных единиц, но и в значительной степени правилами их образования и функционирования, представляя собой систему мировидения этноса. Исследование картины мира как способа манифестации черт менталитета этнического коллектива сквозь призму национального мировидения позволяет получить представление

о существовании в сознании носителей языка особых «сгустков смыслов», или концептов.

Концепт в современной лингвистике понимается как сложное многомерное и многоаспектное образование, значимое для данной культуры и отраженное в коллективном сознании носителей языка, закрепленное за определенной областью действительности и выраженное в тех или иных языковых формах. Концепты, как следует из проведенного исследования, - вербализованные символические образы идеальных понятий, отражающих ментальные представления носителей языка об объекте действительности, единицы индивидуального и общественного сознания, знаково оформленные фрагменты языковой картины мира, включающие в себя акты когниции, существующие знания, побуждения. Основная цель концептуального анализа заключается в выявлении каналов доступа в область идеального через явления языка.

Фонд фразеологических и паремиологических единиц языка представляет несомненный интерес для лингвокультурологии, так как именно они позволяют реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания и отражать специфику взаимоотношений между людьми, социально-исторический контекст, особенности быта, обычаи и традиции.

Как было установлено в ходе исследования, значительным и значимым фрагментом лексико-фразеологической системы татарского языка является сегмент дом-жилье. Между семиотикой традиционного татарского жилища и культурно-значимыми концептами, вербализующими сферу родства, существует система устойчивых и гибких корреляций.

Изучение концептов внутреннего мира показало, что он в его языке моделируется и структурируется по аналогии с внешним миром человека. Языковая концептуализация внутреннего мира представляет собой осмысление его фрагментов, которые объективируются в виде соответствующих языковых единиц. При моделировании в языке внутреннего мира интериоризируются человеком такие фундаментальные характеристики объективной реальности, как пространство и, в меньшей степени, время. Так, специфичный для татарской лингвокультуры концепт *кудел* в значительной мере описывается в терминах пространства как внутренний топос, где размещаются душа, сердце, совесть, а также находится источник разнообразных чувств и переживаний. Невидимые сущности, локализованные во внутреннем мире человека, могут размещаться в пространстве, они обладают характеристиками живых существ. При этом логический субъект переживаний часто предстает как объект, а душа и сердце вполне автономны в своей сущности.

В конструировании внутреннего мира участвуют представления о размере, температуре, твердости, текучести. В татарской языковой картине мира демаркационная линия между такими концептами, как *кунел, жан, йөрәк* иногда бывает весьма расплывчатой; так, они часто выполняют одни и те же функции и описываются через одни и те же или синонимичные термины, хотя словосочетаемые возможности их различны; у каждого концепта также можно выделить устойчивое ядро и периферийные участки.

Анализ этических концептов *веждан, намус, оят* выявил наличие в татарской лингвокультуре разветвленной системы этических оценок. Сложная иерархия этических концептов в татарском языке - объективное свидетельство высокого уровня развития морально-нравственных ориентации и социальной зрелости татарской языковой личности.

Анализ татарских эмоциональных концептов подтверждает известный тезис о том, что для восточных народов характерна сдержанность в проявлении эмоций, стремление не демонстрировать посторонним испытываемые чувства, скромность и умеренность в выражении чувств и переживаний, самообладание. Поэтому в татарском языке не встречаются выражения, подобные *посыпать голову пеплом, врать на себе волосы* и т.п. для внешнего описания аффектов. Напротив, характерны стремления скрывать их, проглатывать (*йоту*). В связи с этим усиливается роль концепта *сабырлык* в татарской традиционной системе ценностей.

Таким образом, концептуализация знаний как о внутреннем, так и материальном мире человека основывается на когнитивных моделях представления знаний, социально значимых для рассматриваемой культурно-языковой общности. Проведенное исследование показало, что изучение семантики татарского языка представляет собой один из эффективных способов выявления особенностей этнической психологии и менталитета татарского народа, поскольку они находят свое отражение в семантике языковых единиц

Основное содержание и результаты диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

а) монографии

1. *Замалетдинов Р.Р.* Татарская культура в языковом отражении / Р.Р.Замалетдинов. - М.: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС»; Казань: Магариф, 2004. - 239 с.

2. *Замалетдинов Р.Р.* Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка / Р.Р.Замалетдинов. - Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2003. - 208 с.

3. *Замалетдинов Р.Р.* Теория и практика сопоставительного изучения татарского и русского языков (на татар, языке) / Р.Р.Замалетдинов. - Казань: Изд-во Казан, пед. ун-та, 2003. - 169 с.

4. *Замалетдинов Р.Р.* Основы методики обучения чтению на татарском как неродном языке / Р.Р.Замалетдинов. - Казань: Магариф, 2002. - 167 с.

5. *Замалетдинов Р.Р.* Лингводидактические основы обучения чтению на татарском языке учащихся начальных классов русских школ / Р.Р.Замалетдинов. - Казань: Мастер-Лайн, 1999. - 169 с.

б) научные статьи и тезисы

6. *Замалетдинов Р.Р.* К проблеме текстов для обучения чтению на татарском (неродном) языке / Р.Р.Замалетдинов // Языковая ситуация в Республике Татарстан: состояние и перспективы: республик, научно-практич. конф., 17 ноября 1998 г.: сб. материалов: в 2 ч. / Ин-т языка, литер, и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. - Казань, 1998. - 4.2. - С. 242-244.

7. *Замалетдинов Р.Р.* Некоторые особенности обучения чтению русских детей на татарском языке (на тат. яз.) / Р.Р.Замалетдинов // Магариф. - 1999. - №7. - С. 88-89.

8. *Замалетдинов Р.Р.* Об отборе языкового материала для обучения чтению на татарском языке как неродном / Р.Р.Замалетдинов // Повышение профессионального уровня педагогов в условиях обновления содержания образования: опыт, проблемы, перспективы: юбилейная научно-практич. конф., посвященная 70-летию Ин-та повыш. квалиф. работ, образов. РТ: сб. матер. - Казань, 1999. - С. 120-122.

9. *Замалетдинов Р.Р.* Сопоставительная грамматика в профессиональных учебных заведениях (на татар, языке) / Р.Р.Замалетдинов // Национальное (татарское) образование: состояние и перспективы: межрегион, научно-практич. конф., 22-25 февраля 2000 г.: тез. докл. / Мин-во образов. РТ. - Казань, 2000. - С. 40-41.

10. *Замалетдинов Р.Р.* О преподавании татарского и русского языков в сопоставительном аспекте (на татар, языке) / Р.Р.Замалетдинов, Г.Ф.Замалетдинова // Теория и практика обучения татарскому языку как неродному в условиях новой языковой ситуации: республик, научно-практич. конф., 17 декабря 2001 г.: сб. материалов / Казан, гос. пед. ун-т. - Казань, 2001. - С. 60-64 (авторских 0,1).

11. *Замалетдинов Р.Р.* Двухязычие в системе образования Республики Татарстан / Р.Р.Замалетдинов // Образование и наука Казахстана на рубеже тысячелетий: международ. научно-практич. конф., посвященная 30-летию образования Жетысуского государственного университета им. И.Жансугурова, 24-25 мая 2002 г.: сб. материалов: в 2 т. / Жетысус. гос. ун-т. - Талдыкорган, 2002. - Т. 2. - С. 149-155.

12. *Замалетдинов Р.Р.* К проблеме сохранения и развития языков народов Республики Татарстан / Р.Р.Замалетдинов // Личностно-ориентированное образование в условиях татарско-русского двуязычия: межкультурная коммуникация, толерантность, теория и практика образования: научно-практич. конф., 19-20 мая 2002 г.: сб. материалов / Мин-во образов. РТ. - Казань; Азнакаево, 2002. - С. 16-18.

13. *Замалетдинов Р.Р.* Некоторые аспекты изучения татарского языка (на татар, языке) / Р.Р.Замалетдинов // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона: V регион, научно-практич. конф., посвященная X летаю Татар, гос. гуманитар, ин-та, 23 апреля 2002 г.: сб. материалов / Татар, гос. гуманитар, ин-т. - Казань, 2002. - С. 40-43.

14. *Замалетдинов Р.Р.* О некоторых аспектах языковой политики в Республике Татарстан / Р.Р.Замалетдинов // Проблемы сохранения родных языков в условиях урбанизации региона: регион, научно-практич. конф., 17 мая 2002 г.: сб. материалов / Набережночелн. гос. пед. ин-т. - Казань; Набережные Челны, 2002. - С. 29-35.

15. *Замалетдинов Р.Р.* Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. Словообразование / Р.Р.Замалетдинов // Межкультурная коммуникация и формирование толерантной личности (диагностика установок толерантности): всероссий. научно-методич. конф.: сб. материалов / Мин-во образов. РФ; Мин-во образов. РТ. - Москва; Казань, 2002. - С. 144-147.

16. *Замалетдинов Р.Р.* К проблеме сопоставительной лингвокультурологии / Р.Р.Замалетдинов // Полилингвизм и система профессионального образования в Республике Татарстан: республикан. научно-практич. конф., 14 ноября 2003 г.: сб. материалов / Набережночелн. гос. пед. ин-т. - Набережные Челны, 2003. - С. 22-25.

17. *Замалетдинов Р.Р.* Лингвокультурология и ее прикладное значение / Р.Р.Замалетдинов // Актуальные проблемы татарского языка и литературы: III регион, научно-практич. конф., посвященная 10-летию татарского отделения Стерлитамак. гос. пед. ин-та, 26-28 ноября 2003 г.: сб. материалов: в 2 ч. / Стерлитамак. гос. пед. ин-т. - Стерлитамак, 2003. - 4.2. - С. 274-277.

18. *Замалетдинов Р.Р.* Сопоставительно-типологическое изучение языков и лингвокультурология / Р.Р.Замалетдинов // Диалог культур: проблема толерантности, межкультурной коммуникации и межконфессиональных отношений: научно-практич. конф., 23 мая 2003 г.: тез. докл. / Татарско-американ. регион, ин-т. - Казань, 2003. - С. 186-189.

19. *Замалетдинов Р.Р.* К проблеме исследования языковой картины татарского мира / Р.Р.Замалетдинов // Магариф. - 2004. - № 10. - С. 44-45.

20. *Замалетдинов Р.Р.* Лингвокультурология и проблемы преподавания лингвистических - дисциплин (в условиях дву- и многоязычия) / Р.Р.Замалетдинов // Вопросы филологии. - 2004. - № 2. - С. 165-169.

21. *Замалетдинов Р.Р.* Лингвокультурология и ее результаты в практике преподавания неродного языка / Р.Р.Замалетдинов // Проблемы типологии языка: сб. науч. ст. / Казан, гос. пед. ун-т. - Казань, 2004. - С. 64-72.

22. *Замалетдинов Р.Р.* Национально-языковая картина мира в лингво-философском освещении / Р.Р.Замалетдинов // Ученые записки Казан, гос. акад. ветер, медицины им. Н.Э.Баумана. - 2004. - Т. 179. - С. 334-341.

23. *Замалетдинов Р.Р.* О сопоставительном и культурологическом аспекте изучения языков / Р.Р.Замалетдинов // Литература: Миф и реальность: сб. ст. / Казан, гос. ун-т. - Казань, 2004. - С. 246-248.

24. *Замалетдинов Р.Р.* Об особенностях описания языковой картины мира / Р.Р.Замалетдинов // Университетская наука - Республике Башкортостан: научно-практич. конф., посвященная 95-летию Башкир, гос. ун-та, 3-5 октября 2004 г.: тез. докл.: в 2 т. / Башкир, гос. ун-т. - Уфа, 2004. - Т. 2: Гуманитарные науки. - С. 124-126.

25. *Замалетдинов Р.Р.* Лингвокультурология и паремиология / Р.Р.Замалетдинов // Вопросы татарского фольклора: сб. науч. тр. / Ин-т языка, литер, и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. - Казань, 2004. - С. 62-67.

26. *Замалетдинов Р.Р.* Проблемы номинации в национально-культурном аспекте / Р.Р.Замалетдинов // Веста. Казан, гос. технологич. ун-та. - 2004. - № 1/2. - С. 86-89.

27. *Замалетдинов Р.Р.* Проблемы номинации в сопоставительном аспекте / Р.Р.Замалетдинов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: междунаро, науч. конф., посвященная

200-летию Казан, ун-та, 4-6 октября 2004 г.: тез. докл. / Казан, гос. ун-т. - Казань, 2004. - С. 144-145.

28. **Замалетдинов Р.Р.** Соучастие языка и культуры - важный фактор повышения мотивации / Р.Р.Замалетдинов // Феномен развития в науках о человеке: международ. научно-практич. конф., 21-22 октября 2004 г.: сб. ст. / Пенз. гос. ун-т. - Пенза, 2004. - С. 13-16.

29. **Замалетдинов Р.Р.** Теоретико-методологические предпосылки изучения языковой картины мира / Р.Р.Замалетдинов // Вести. Казан, гос. пед. ун-та. - 2004. - № 3. - С. 134-142.

30. **Замалетдинов Р.Р.** Языковая реализация концептов материального мира и их национальная специфика (на примере **өй** и **Йорт** в татарском языке) / Р.Р.Замалетдинов // Вопросы филологии. - 2004. - № 2. - С. 48-51.

31. **Замалетдинов Р.Р.** Язык и культура: языковая и концептуальная картина мира / Р.Р.Замалетдинов // Наука и школа. - 2004. - № 10. - С. 48-52.

в) учебно-методические пособия, словари и программы

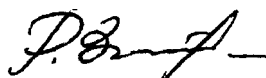
32. **Замалетдинов Р.Р.** Сопоставительная типология татарского и русского языков: программа для педвузов (на татар, языке) / Р.Р.Замалетдинов. - Казань: Изд-во Казан, пед. ун-та, 2000. - 19 с.

33. **Замалетдинов Р.Р.** Сопоставительный аспект изучения татарского и русского языков: учебно-методич. пособие (на татар, языке) / Р.Р.Замалетдинов. - Казань: Изд-во Казан, пед. ун-та, 2002. - 32 с.

34. **Замалетдинов Р.Р.** Этнокультурологическая лексика татарского языка: Словарь-справочник (на татар, языке) / Р.Р.Замалетдинов. - Казань: Алма-Лит, 2003. - 144 с.

35. **Замалетдинов Р.Р.** Сопоставительная грамматика: программа (на татар, языке) / Р.Р.Замалетдинов. - Казань: Изд-во Казан, пед. ун-та, 2004. - 21 с.

36. **Замалетдинов Р.Р.** Сопоставительная грамматика татарского и русского языков: учеб. пособие для педвузов РФ (на татар, языке, с грифом УМО по специальностям педагогического образования Министерства образования и науки РФ) / Р.Р.Замалетдинов. - Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2004. - 144 с.

Подписано в печать 12.11.04

Тир. 100

Усл. печ. л. 2,25

Зак. 271 -04

Лаборатория офсетной печати Казгоспедуниверситета
420015, г. Казань, ул. Пушкина, 31

Р23531

РНБ Русский фонд

2005-4

23073